

ВОЗРОЖДЕНИЕ СВЯТЫНИ

Первые шаги

Мысль о восстановлении святыни нашего народа, символа его древней государственности, не могла не волновать умы и чувства самых разных людей, объединенных заботой о возрождении духовности и исторического сознания белорусского общества как залога построения суверенного государства. Неслучайно эта глубоко патриотическая идея возникла как раз в начале возвращения Беларусь к своей независимости.

Тогда, в первой половине 90-х годов, в нашей стране была широко развернута работа по поиску, возвращению и восстановлению утраченных в разное время культурных сокровищ. Это стало одним из главных направлений деятельности Объединения белорусов мира (ОБМ) «Бацькаўшчына» — общественной организации, основанной в марте 1990 года представителями творческой и технической интеллигенции. На учредительной конференции Объединения, которая состоялась в Минске 10–11 сентября того же года, присутствовали посланцы практически всех белорусских землячеств и обществ из республик СССР, делегаты от белорусских организаций Польши и многочисленные зарубежные гости. Идею создания «Бацькаўшчыны» поддержали участники 19-й традиционной встречи белорусов Северной Америки,

ВОЗРОЖДЕНИЕ СВЯТЫНИ

проходившей в то же время в Кливленде. Основными задачами Объединения были объявлены: возрождение культуры и языка, национального сознания и традиций, консолидация и объединение белорусов мира независимо от их политических взглядов, социального и имущественного положения и вероисповедания, установление необходимых для Беларуси связей с зарубежьем.

В 1992 году на одном из заседаний Рады «Бацькаўшчыны» ее тогдашний председатель, писатель Евген Лецка, предложил Объединению активно начать поиски Креста святой Евфросинии Полоцкой, а также рассмотреть возможность его реконструкции. Этот вопрос был вынесен по инициативе ОБМ в декабре 1992 года в Минске на Первый сход белорусов близкого зарубежья. Сход принял единогласное решение: продолжать поиски древней реликвии, но вместе с тем и восстановить ее материальный образ — «чтобы люди могли видеть, что они потеряли, и чтобы самим пройти тяжкий путь создания реликвии». Восстановленную святыню предлагалось передать Белорусской православной церкви с тем, чтобы Крест хранился в Полоцком Спасо-Евфросиниевском монастыре.

Вскоре после схода была создана Рада предпринимателей белорусской диаспоры, которую возглавил экономический директор «Бацькаўшчыны» Борис Стук. Поскольку с его именем в той или иной степени будут связаны все этапы воссоздания образа Креста, мы познакомим с этим человеком несколько ближе.

Борис Стук родился в городском поселке Ореховск, что под Оршей, и пришел в бизнес, имея за плечами законченные с отличием Витебский станкостроительный техникум и Минский радиотехнический институт и работу в научно-производственном объединении «Гранат». С 1991 года он начал сотрудничать с ОБМ «Бацькаўшчына», многое сделав для создания юридически-правового фундамента Объединения.

На одном из первых заседаний Рады предпринимателей белорусской диаспоры председатель «Бацькаўшчыны» Евген Лецка обратился к присутствующим с предложением финансировать проект воссоздания Креста святой Евфросинии Полоцкой. Обращение встретило поддержку. Рада предпринимателей приняла решение одновременно с финансированием возрождения Креста помочь и в восстановлении Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря.

После консультаций с историками, художниками и искусствоведами руководство ОБМ решило, что заказ на воссоздание реликвии можно доверить брестскому мастеру-ювелиру Миколе Кузьмичу, одному из очень немногих в Беларуси художников, которые профессионально занимались эмалью.

Уже спустя месяц, 29 января 1993 года, председатель Рады «Бацькаўшчыны» Евген Лецка и экономический директор ОБМ Борис Стук подготовили и заключили с мастером договор об исполнении работы, объем и значимость которой никто, в том числе и сам художник, еще не представлял. Тогда Крест предусматривалось изготовить к Первому съезду белорусов мира, запланированному на начало июля 1993 года. Задача казалась относительно несложной: мол, есть описания Креста и его изображения, есть средства и желание. Да и речь шла о создании всего лишь копии святыни...

Параллельно с восстановлением реликвии «Бацькаўшчыны» было решено подготовить к печати научно-популярную книгу и снять хроникально-документальный фильм, которые рассказывали бы об истории Креста и его воссоздании. С соответствующими просьбами ОБМ обратилось к писателю Владимиру Орлову и кинорежиссеру Виктору Шевелевичу.

Вести кураторскую работу по восстановлению Креста ОБМ поручило заместителю председателя Рады предпринимателей белорусской диаспоры Анатолию Силивончику. Необходимо заметить, что здесь Объединение белорусов мира не ошиблось. В сентябре 1997 года в интервью газете «Имя» Микола Кузьмич скажет: «На первом этапе вся работа фактически держалась на белорусском предпринимателе и меценате А. Силивончике».

Для решения организационно-финансовых проблем при «Бацькаўшчыне» была создана рабочая группа в составе Анатолия Силивончика (Сургут), Бориса Стука, Миколы Сулковского (Новосибирск) и Алексея Ядченко (Львов). В феврале того же 1993 года А. Силивончик и Б. Стук побывали у Миколы Кузьмича в Бресте, после чего руководство «Бацькаўшчыны», оценив общественную значимость проекта, сделало вывод, что его невозможно осуществить без благословения и опеки Церкви.

Просьбу о духовной поддержке в возрождении святыни ОБМ адресовало лично митрополиту Минскому и Слуцкому, Патриарше-

ВОЗРОЖДЕНИЕ СВЯТЫНИ

му экзарху всея Беларуси Филарету, который благословил начатое дело. Объединение белорусов мира устроило еще одну поездку в Брест, где в марте того же года владыка освятил мастерскую Миколы Кузьмича, после чего Церковь уже не оставляла художника без своего духовного кормления, а в 1995 году взяла на себя и частичное финансирование проекта.

В мае 1993 года «Бацькаўшчына» организовала совместное паломничество митрополита, художника и рабочей группы ОБМ в Полоцк, где преемник мастера Богши имел возможность поклониться мощам преподобной Евфросинии и там же, в Спасском храме, получил благословение владыки Филарета. С Патриаршим экзархом был согласован и проект следующего, более детализированного договора с художником.

Тем временем Анатолий Силивончик жертвует Спасо-Евфросиньевскому монастырю, где должна находиться святыня, 100 килограммов бисера, оплачивает нескольким семьям горожан, живущим на монастырской территории, первоначальный взнос на ихновые квартиры, а также выделяет значительные средства на приобретение церковной утвари и религиозной литературы. В этом его поддерживает наш соотечественник из Кливленда (США) Анатолий Лукьянчик, который передает на восстановление древней Божьей твердыни пять тысяч американских долларов. Еще один предприниматель белорусского происхождения, Милю Сулковский из Новосибирска, внес на восстановление Креста необходимое количество серебра.

После предпринятых «Бацькаўшчынай» и самим художником шагов и визита Евгена Лецкис с Миколой Кузьмичем к председателю КГБ Беларуси Комитет госбезопасности в связи с государственной важностью проекта и тем, что на его реализацию передавались ценные материалы, взял творческую мастерскую Миколы Кузьмича под свою охрану.

Возвратившись из паломничества в Полоцк, Микола начал непосредственную работу. До Первого съезда белорусов мира осталось всего два месяца, и очень скоро стало очевидно, что за такой короткий срок изготовить Крест невозможно.

Врядли среди участников всемирного форума белорусов нашелся хотя бы один несогласный с идеей возрождения Креста, призванной

объединять и сплачивать нацию. Получив одобрение Первого съезда белорусов мира, на который был приглашен со своим и начальным инаворотками Никола Кузьмич, «Бацькаўшчына» для конкретной помо-ши художнику создала научно-общественный совет. Научным руково-дителем проекта был утвержден доктор исторических наук, признан-ный специалист по истории Полоцкого княжества Георгий Штыхов. Необходимые консультации, связанные с анализом химического состава и микроструктур древних стекол эмалей, мастеру должны были давать сотрудники АН Беларуси кандидат химических наук В. Тавгень и кандидат исторических наук Т. Скрипченко.

Через средства массовой информации Объединение белорусов мира обратилось к предпринимателям и общественности с призы-вом поддержать святое дело возрождения национальной реликвии.

Заметное место в хронологии событий занимает состоявшееся в ноябре 1993 года в Минском епархиальном управлении кон-сультационная встреча, куда были приглашены сотрудники АНРос-сии, доктора исторических наук Леонид Алексеев и Татьяна Мака-рова. На заседании присутствовали вице-президент Национальной академии наук и президент «Бацькаўшчыны» Радим Горецкий, пред-седатель Рады ОБМ Ганна Сурмач и Борис Стук. Участники встре-чи поддержали усилия «Бацькаўшчыны» по реконструкции Креста преподобной Евфросинии и его дальнейшем хранении в Спасо-Ев-фросиньевском монастыре г. Полоцка». Московские специалисты согласились оказывать мастеру помощь, а Т. Макарова была утверждена его консультантом по эмалям.

Для реализации проекта с участием государственных структур «Бацькаўшчына» направила письмо председателю Совета министров Беларуси. Со своей стороны с письмом на имя руководителя правительства обратился митрополит Филарет. Он предлагал «объеди-нить усилия Церкви и Государства в деле воссоздания святыни наше-го народа и принять участие в материальном обеспечении проекта». Владыка писал, что Крест полоцкой просветительницы «мастерством исполнения, а также его ценностью и святостью не имеет аналогов не только в Европе, но и в мире», и напоминал, что в 1992 году изображе-ние реликвии было избрано в качестве эмблемы празднования 1000-летия Полоцкой епархии и христианства в Беларуси, когда впервые и прозвучала идея о возрождении Креста.

ВОЗРОЖДЕНИЕ СВЯТЫНИ

Обращения с просьбой выделить необходимые на воссоздание святыни золото и драгоценные камни от имени Церкви и «Бацькаўшчыны» были отправлены в Комитет по драгоценным металлам при СМ Беларуси, а впоследствии и непосредственно президенту страны.

В то время Б. Стук и А. Силивончик помогли Миколе Кузьмичу попасть для изучения древних эмалей в Оружейную палату московского Кремля. В Петербурге удалось приобрести негативы с подробными снимками Креста.

Инициаторы возрождения национальной реликвии не забывали и о поисках аутентичного Креста Погощкой игуменьи. В ноябре 1993 года состоялась поездка в Могилев, где А. Силивончик, а также М. Кузьмич и Л. Алексеев имели встречу с уже знакомым нам бывшим директором Могилевского государственного музея И. Мигулиным. Девяностодвухлетний пенсионер сохранил превосходную память, но оставил впечатление человека, который говорит значительно меньше, чем знает. Гости услышали, что прежний директор держал Крест святой Евфросинии в своей единственной руке только однажды, когда в 1929 году, сразу после перевозки реликвии из Минска, демонстрировал ее секретарю обкома партии. По словам Мигулина, Крест в известной читателью комнате-сейфе хранился в небольшом сундучке-футляре со стеклянным верхом. За исключением этого, ничего нового участники поездки о судьбе святыни, к сожалению, не узнали.

10 февраля 1994 года председатель Рады «Бацькаўшчыны» Ганна Сурмач и художник-ювелир Микола Кузьмич подписали протокол «О сроках работы по реконструкции Креста преподобной Евфросинии, игуменьи Полоцкой». Он предусматривал, что, в связи со сложностями в научно-поисковой работе, ее документальные и материальные результаты вместе с описанием Креста (на основе чего будет осуществляться реконструкция реликвии) художник должен предоставить до 1 июня 1994 года. Срок выполнения святыни переносился на конец 1994–1995 гг.

15 июля 1994 года на заседании созданного при Объединении белорусов мира научно-общественного совета по восстановлению Креста были утверждены результаты полуторалетней поисковой работы художника и окончательный эскиз святыни.

Председатель Рады «Бацькаўшчыны» Ганна Сурмач отмечала, что, выполняя заказ Объединения белорусов мира, Микола Кузьмич проявил себя человеком не только бесспорно талантливым и сведущим в своем деле, но и преданным высокой идее. Ее слова нашли подтверждение в отчете самого художника, который, кстати, кроме эскиза реликвии, привез с собой уже полный список необходимых материалов и драгоценных камней.

Примечательно, что участникам разговора, а среди них было много известных стране ученых, политиков, деятелей литературы и искусства, в первую очередь интересовали духовные, нравственные аспекты проекта. «Прежде чем обсуждать технические детали, — говорила член Управы «Бацькаўшчыны» поэтесса Нина Загорская, — нужно осознать, чем будет для нас новое произведение. Если музейным экспонатом — тогда одно дело...»

Эта проблема не могла не волновать и мастера. «Следует ли воспроизводить сакральную святыню, — рассуждал в своем выступлении Микула Кузьмич, — пользуясь чисто реставрационными методами? Либо стоит попробовать осуществить возрождение памятника, выработав для этого научную концепцию, обратившись к произведениям декоративно-прикладного искусства эпохи Лазаря Богши, византийским, древнерусским, грузинским эмалиям, к посвященным им исследованиям научным трудам? Попробовать возродить технику перегородчатых эмалей, осознать своеобразие художественной манеры, в которой был исполнен Крест? И еще меня глубоко заботила моральная проблема: будет ли это произведение холодным повторением памятника далекой художественной эпохи или же существует возможность создать Крест, который мог бы стать сакральной ценностью для наших современников, приблизить нас к идеалам христианской духовности? Первое было бы возможно при участии только светских кругов. Второе, смею надеяться, становится реальностью при пасторском участии и благословении Церкви».

Известный политики ученый Юрий Ходыка решительно выступил против использования термина «реконструкция». По его словам, можно было говорить лишь о модели утраченной святыни. В отношении создания нового Креста были предложены широкий диапазон терминов: «романтическая реконструкция», «повторение», «аналог», «копия», «восстановление» etc. Прозвучала даже абсурдная мысль о необходимости хранить новый Крест

ВОЗРОЖДЕНИЕ СВЯТЫНИ

вбанюковском сейфе. Владыка Филарет со средоточием внимания на том, что к восстановлению Креста надо подходить как к высокой идее, эху которой суждено звучать и в будущих поколениях. Тем более, что святыня будет делаться из иерусалимского кипарисового дерева и иметь все ее прежние христианские реликвии.

Несмотря на острые порой споры, участники дискуссии в конце концов достигли согласия: в итоге задуманной работы должна появиться новая сакральная художественная ценность, призванная служить во возвращению духовности, исторической памяти, национального достоинства. Научно-общественный совет принял решение именовать будущее произведение следующим образом: Крест, воссозданный по образу и подобию воздвижального* Креста Евфросинии Полоцкой. Расставляя в деле исторической точности все точки над «и», научно-общественный совет рекомендовал впредь называть древнего полоцкого мастера не Лазарем Богшой, а «мастером Богшой, в крещении Лазарем».

На этом был, по сути, завершен первый этап огромного труда.

Однако пришло время встречи читателя с Мастером, которому было предопределено воссоздать Крест святой Евфросинии и тем самым оставить свое имя в истории Беларуси.

Наследник Лазаря Богши

Он появился на свет в 1950-м в полесской деревне Вулька Дрогичинского района, что на Брестчине. Белорусский крестьянский род Кузьмичей давал не только хлебопашцев, но и знаменитых в окрестностях мастеров. В родных местах Миколы некогда хорошо знали его деда Никифора, лучшего на десятки верст кузнеца, умевшего и отменно подковывать коня и сотворить в своей кузнице настоящее чудо — изящный подсвечник, железный цветок, изысканный светильник. Микола считает, что унаследовал по генам от деда многое: трудолюбие, жизненную философию, склонность к работе с металлами... (Фонари, висящие в Бресте над входом в Музей спасенных ценностей, выполнены руками Миюлы.)

Художественные склонности были и у матери. В молодости,

* Как было доказано в 1991 году на научной конференции, посвященной 830-летию создания полоцкой реликвии, святыня преподобной Евфросинии относилась к типу воздвижальных крестов, связанных с христианским праздником Воздвижения Креста Господня.

когда обои в деревнях являлись большой редкостью, она не могла отбиться от заказов соседей, что просили украсить стены в хатах оригинальными узорами, которые сельская художница наносила на штукатурку с помощью собственного изобретения — розеток-форм из сырой картошки.

В 60-е годы Миколины родители, Петр Никифорович и Нина Трофимовна, переехали «на целину», в Ростовскую область, где жили, между прочим, рядом с шолоховской станицей Вешенской. Отец будущего художника умер совсем рано, едва преодолев сорокалетний рубеж. Старшим в роду мужчиной остался Микола. Прислушавшись к тому, что подсказывала душа, он перевез семью назад, на родину.

Склонность к искусству у мальчика проявилась рано, еще в младших классах, но возможность учиться долгое время оставалась мечтой. Диплом об окончании Минского художественного училища имени Глебова по специальному стилю декоративно-прикладное искусство Микола Кузьмич получил только в 1982-м. (Из преподавателей он с наибольшей благодарностью вспоминает Николая Федоровича Проценко.) А буквально через считанные годы его имя уже приобрело в художественном мире прочную известность.

Отмеченные бесспорным талантом и самобытным мировосприятием, ассоциативно богатые и исполненные в оригинальных формах техниках произведения Кузьмича начали регулярно выставляться в Беларуси и за ее пределами. Художник работал с ценными металлами, с титаном, бронзой, мельхиором, но его любовью была эмаль. Позже, уже во время работы над Крестом, мастер скажет: «Металл — это как прекрасная женщина, которая может ответить взаимностью, но достичь этого можно только ценой огромных усилий... Таки с эмалью. Эти тончайшие перегородки, нагреешь их до 800 градусов — а они разлетаются во все стороны...»

Признанием таланта и высокого мастерства Михаила Кузьмича стало экспонирование его произведений в России, Польше, Франции, Германии, Соединенных Штатах Америки... Фоторепродукции его эмалей все чаще появлялись в международных художественных каталогах и сборниках. Московский музей декоративно-прикладного искусства приобрел для своей экспозиции созданную брестским ювелиром серию из шести брошей.

М. Кузьмич участвует во многих международных симпозиумах

художников-эмальеров. Наиболее плодотворной была поездка в 1990 году в Испанию, где его работы получили высокую оценку коллеги были отмечены специальным дипломом. Ему, единственному из Союза художников Беларуси, пришло приглашение на III всемирный съезд эмальеров.

Значительное и, как показали события, судьбоносное влияние на мировоззрение художника оказало глубокая увлеченность историей Беларуси и, особенно, минувшим Полоцкой земли, которая была юльбелью нашей государственности и национальной культуры и дала Отечеству целое созвездие имен всемирного значения, где звездой первой величины воссияла святая Евфросиния. Именно внимание к прошлому как фундаменту современного бытия народа и его культуры привело Кузьмича куникальному проекту создания цикла эмалевых портретов выдающихся деятелей белорусской истории. Первым из них стало выполненное на меди изображение великого князя Всеслава Чародея, иконографической основой для которого послужила одна изミニатюр Радзивилловской летописи. Художника не мог не вдохновлять и образ внучки Чародея Предславы-Евфросинии. Миколу влекли к себе эпоха просветительницы и, конечно, творчество ее средневекового коллеги ювелира Богши.

В то время брестский мастер еще не знал, что ему будет даровано великое счастье восстановить секреты древних эмальеров и продолжить их традицию. Но то, что предложение воссоздать образ нашей национальной реликвии, сотворенной в 1161 году, получил как раз Микола Кузьмич, не выглядит случайным. Тут вспоминается изречение философа о случайности как пересечении нескольких закономерностей.

Однако до того момента, когда доктор исторических наук Татьяна Макарова напишет на своей книге «Перегородчатые эмали древней Руси»: «Никуляю Петровичу Кузьмичу, эмальеру и наследнику Лазаря Богши», оставалось еще несколько лет учитительно тяжелого труда.

В Сургуте думают о Беларуси

На пресс-конференции, созванной по случаю завершения работы над образом Креста, автор этой книги задал нашему сибирскому соотечественнику Анатолию Силивончику вопрос, что за-

ставило его на несколько лет сделать заботу о национальной святыни белорусов одним из важнейших дел своей неспокойной и переменчивой жизни предпринимателя. В ответ изуст этого неординарного, щедро одаренного природой человека прозвучала почти фантастическая — особенно для людей далеких от веры — история.

Анатолий вспомнил, как возвращался к себе в Сургут после посещения Спасо-Евфросиниевской обители, где он был удостоен чести приложиться к мощам святой полочанки и подняться в ее келью. Тогда, в самолете, ему явилось видение: взгляду вдруг открылся голубой, расписанный дивными древними фресками церковный купол, отреставрированный фрагмент которого паломник видел в подиумом Спасском храме.

«Я, человек в принципе веривший только в себя да в свои способности и удачу, — рассказывает Силивончик, — почувствовал, что действительно существует некая иная, могущественная иальная сила, которая тянет меня из Сибири в Беларусь, заставляет думать и о судьбе Креста Евфросинии, и о нас, разбросанных по всему миру белорусах.. Как-то раз на посвященном возрождению Креста заседании я спросил у окружающих да и у самого себя, почему груз ответственности за это дело — и финансирование, и обязанности куратора — берет на себя человек, живущий далеко от Беларуси. Митрополит ответил мне без раздумий: «Богу виднее». И этот аргумент владыки оказался чрезвычайно убедительным»...

В начале жизненный путь Анатолия Силивончика складывался достаточно типично.

Он родился в деревне Гамза, что в нынешнем Светлогорском районе, где и сегодня живет его мать, скромная сельская труженица пенсионерка Анастасия Нестеровна, которой еще очень трудно дать ее 75 лет. Ее отец был лесником и знаменитым в своих местах пчеловодом, державшим в лесу 50 пчелиных «ставов» и поставлявшем воск для церковных свечей. Анатолий вспоминает, что деда не кусали пчелы и что тот за всю жизнь не продал ни единого килограмма меда — весь раздавал сельчанам, особенно щедро одаривая мальчишек.

Доброту, щедрость и хозяйственность вместе с обостренным чувством справедливости Силивончики считают своими генетически заложенными и фамильными чертами. К ним стоит видимо, добавить и

ВОЗРОЖДЕНИЕ СВЯТЫНИ

жизненную стойкость: рассказывая о сыне, Анастасия Нестеровна обычно вспоминает, как в детстве он, отбывая наказание, целый час без слез и жалоб простоял на коленях на гречке.

Отец, Павел Павлович, работал шофером. Видимо, это и повлияло на твердое намерение парня из гомельского Полесья поступать в Бобруйский автотранспортный техникум. Получив диплом об его окончании, пошел в армию.

А вот после армейской службы Анатолий, можно сказать, бросил вызов судьбе и подался в Сибирь.

Тюмень, Тобольск, Сургут..

Тяжкий хлеб шо夫ера на нефтепромыслах. (С тех пор сохранились у Анатолия и любимый девиз: «Мчаться быстрее всех, но при этом никому не мешать ехать в том же направлении» и привычка всегда, бесплатно и на любые расстояния подвозить на машине попутчиков.)

Долгие месяцы жизни среди хантов и манси — истинных детей природы, у которых, как утверждает Анатолий, он многому научился и которых сейчас стремится отблагодарить: то подарит полторы тонны бисера для народных промыслов, то пришлет перед праздником несколько тонн шоколадных конфет...

А еще были мечты о своем собственном деле, которые неизбежно разбивались о таинственную реальность.

В Сургуте он объявился в августе 1978 года с наполеоновскими, как признается, планами и пятью рублями в кармане.

С самых первых дней взялся своими руками строить дом. Тот по-белорусски основательный дом с печью, где мать, когда гостила у сына, пекла душистый деревенский хлеб, стоит в Сургуте и сегодня. Печь тоже сложил сам Анатолий.

С того времени с Сургутом связаны уже двадцать лет жизни. Решительный поворот в ней произошел в 1985, когда Анатолий бросил крутить барабанку и занялся бизнесом.

На избранной стезе предпримчивый белорус, в котором какбы сфокусировались трудолюбие, смекалка, целеустремленность и здоровые амбиции всего рода Силивончиуков, изведали счастье взлетов и горькие разочарования. Можно несомневаться, что сюжетов и коллизий тутхватило бы на целую книгу, которая когда-нибудь, возможно, будет написана. Мы же ограничимся тем, что сообщим читателю необходимый минимум информации. Сегодня А. Силивончик является

генеральным директором закрытого акционерного общества «Сибдорсервис» и учится в Академии народного хозяйства при правительстве Российской Федерации. Когда находится свободное время, посвящает его охоте, рыбалке, а прежде всего — работе в собственном фермерском хозяйстве, которое занимает 130 гектаров и удивляет гостей своими урожаями. В Сибири подрастают двое его сыновей — названный по деду Павели старший Геннадий, которому отец дал имя своего рано умершего брата.

К тому, что нам уже известно о деятельности Анатолия Силивончика — мецената стоит добавить еще несколько важных штрихов. 100 миллионов российских рублей в 1996 году он перевел детскому дому в Сургуте. Прекрасный подарок получила и родная деревня Гамза. Для нее (насколько нам известно, это пока что единственный в Беларуси случай) земляк из Сибири приобрел автобус, который четыре дня в неделю, работая по графику, возит сельчан в Паричи, Светлогорски Бобруйски крулюсуюточно действует как «скорая помощь», доставляя больных к докторам. Кроме того по праздникам частный автобус отвозит верующих в храм.

Значительные средства были вложены нашим соотечественником в снятый режиссером Виктором Шевелевичем по сценарию Сергея Тарасова кинофильм «Загадня для зубра», в центре которого — личность выдающейся фигуры отечественной истории, владельца Великого княжества Литовского Витовта. Последним по времени фильмом Шевелевича стала документальная лента, повествующая о возрождении Креста святой Евфросинии. Спонсировал фильм, также как и книгу о нашей национальной реликвии, Анатолий Силивончик.

Благодаря земляку из Сургута, увидела свет одна из новых книг живущего в Санкт-Петербурге белорусского поэта Анатолия Кирвеля. Силивончик стал спонсором мемориальной доски в честь сотрудников Института белорусской культуры (Инбелкульта), послужившего прообразом Белорусской академии наук.

А. Силивончик участвовал в финансировании Первого и Второго съездов белорусов мира.

Приехав в июле 1997 года на Второй съезд, Анатолий вместе с председателем ОБМ «Бацькаўшчына» Ганной Сурмач посетил в Бресте мастерскую Микулы Кузьмича, которому оставалось уже считанные дни до завершения пятилетнего труда над Крестом.

Тогда же начало приобретать конкретные очертания предложение об основании Международного благотворительного фонда Животворного Креста святой Евфросинии. Авторами идеи были сибирский предприниматель и его коллега и друг, председатель правления совместного предприятия «Международный центр предпринимателей белорусской диаспоры» Борис Стук. (Интересно, что Анатолий и Борис родились в один день — 4 мая 1957 года, что, наверное, благоприятно влияет на их совместную деятельность.)

Силивончик признает, что сперва его участие в воссоздании образа Креста Евфросинии имело популистский оттенок. Но вскоре заботы о святыне переросли в глубокое ощущение своей вовлеченности в великое патриотическое начинание, причем это чувство стало общим для всей семьи. Предприниматель утверждает, что его помочь в восстановлении реликвии, его стремление поставить дело так, чтобы финансовое состояние фирмы не влияло на работу над Крестом, получали обратную связь. Крест тоже помогал — приносил моральное удовлетворение, подсказывал выход в сложных ситуациях на работе и дарил совершенно иную атмосферу дома, рождал новые идеи и проекты. Одним из них является намерение выстроить в Сургутском районе первую в Сибири церковь в честь святой Евфросинии Полоцкой.

Доказательства Георгия Штыхова

Идея возрождения Креста полоцкой просветительницы вызвала новый всплеск интереса к личности Евфросинии и истории со-зания ее реликвии со стороны литераторов, искусствоведов, историков. В научном плане больше всего было сделано тут доктором исторических наук, заведующим отделом археологии и истории Полоцкой земли Института истории Национальной академии наук Георгием Штыховым. Он уточнил ряд спорных позиций и сделал свои выводы достоянием читателей в нескольких публикациях, среди которых выделяется помещенная в журнале «Полацаю», выходящем по-белорусски в американском городе Кливленде, статья «Из истории изучения Креста преподобной Евфросинии».

Ранее нашу национальную святыню обычно относили к так на-

зываевым напрестольным крестам. Такого же мнения, в частности, придерживался и московский историк Л. Алексеев. Однако нам уже известно, что на научной конференции по случаю 830-й годовщины создания Креста святой Евфросинии (прежде всего благодаря исследованиям Василия Пуцко) был сделан вывод о том, что полоцкая реликвия является крестом воздвигальным, иначе говоря, связанным с праздником Воздвижения. Об этом, кстати, в своей докторской диссертации еще в начале 80-х годов писал и сам Г. Штыхов. Теперь он подчеркивает, что, с учетом аналогий, предложение В. Пуцко надо считать окончательно доказанным. А решение Евфросинии подарить Спасской церкви именно воздвигальный крест, имеет, по мнению белорусского историка, свое объяснение.

Дело в том, что с принятием христианства на восточнославянских землях среди князей получил распространение обычай целовать крест для подтверждения взятых на себя обязательств. Когда во время восстания 1068 года в Киеве горожане освободили полоцкого князя Всеслава Чародея из заточения и провозгласили его великим князем киевским, современники посчитали это событие символическим, ибо оно произошло в день Воздвижения Креста Господня. И в Киеве, и в Полоцке прекрасно помнили, как летом 1067 года, после кровавой битвы на Немиге, когда Всеславу Брячиславичу дорогой ценой, но удалось отстоять границы своей державы, киевский князь Изяслав пригласил полоцкого властелина на переговоры под Оршу и вероломно захватил его с сыновьями в плен, нарушив данное накануне крестное целование.

Летописец отметил, что, сидя в киевской земляной тюрьме, Всеслав, вздохнув, промолвил: «О крест святой! Так я верил тебе, ты и избавь меня от этой ямы». В ответ Бог и проявил силу креста.

В связи с судьбой полоцкого князя автор летописи говорит о том, что крест помогает князьям в битвах, спасает от беды любого, кто обращается к нему с искренней верой. Даже сам дьявол не боится ничего, кроме креста. (В Радзивилловской летописи есть миниатюра, на которой Всеслав Чародей изображен на киевском престоле, где князь, по мнению древнего автора, оказался как раз в результате победы креста над диаволом.) Зная о совпадении выхода полоцкого князя на свободу с христианским праздником, внучка Всеслава Евфросиния, как убежден Георгий Штыхов, и посвятила этому необыкновенному событию воздвигальный крест.

ВОЗРОЖДЕНИЕ СВЯТЫНИ

Согласно церковным историкам, в IV веке византийский император Константин перед решающей битвой увидел на небесах крест, обещавший ему победу. Император действительно одолел врагов, глубоко уверовав в чудотворную силу святыни, а его мать, царица Елена, отыскала в Палестине, на Голгофе, крест, на котором встретил смерть Спаситель рода человеческого.

Церковь празднует Воздвижение очень торжественно. Накануне украшенный цветами крест выносят возлагают на середине храма. Церемония происходит под перезвон колоколов и песнопения. Затем крест на все четыре стороны показывают верующим. Популярность праздника Воздвижения в древнем Полоцке подтверждается сделанная там в 1967 году Г. Штыховым уникальная археологическая находка — каменная иконка с изображением святых Константина и Елены, держащих перед собою большой крест.

В упомянутой выше статье Георгий Штыхов аргументировано опровергает позицию московского исследователя Татьяны Макаровой, которая в своей книге «Перегородчатые эмали древней Руси» высказала мнение, что Богша был не полоцким, а киевским мастером. Белорусский ученый убежден, что Богша мог создать крест только в Полоцке, ибо обязан был трудиться под наблюдением и опекой самой заказчицы — Евфросинии.

Весьма важным свидетельством в пользу этого служат найденные в 1962 году археологами на полоцком Верхнем замке остатки мастерской ювелира-золотаря второй половины XII — начала XIII века, времени, которое частично совпадает с жизнью прославленной полоцкой игумении. При раскопках были обнаружены куски золотой фольги и фрагмент древней перегородчатой эмали размером 0,8 на 0,8 сантиметра с миниатюрными изображениями крестиков. Найденная эмаль имела три ярких цвета: синий, красный и белый, которые вместе с зеленым (в меньшем количестве) являются основными и на Кресте святой Евфросинии. Это обстоятельство также подтверждает версию, согласно которой в 1962 году была раскопана мастерская не кого-нибудь, а самого Богши.

Рассматривая декор святыни, Штыхов замечает, что значительное место в нем принадлежит розеткам в форме цветка с восемью лепестками. Этот мотив солярной орнаментики, как свидетельствуют археологические находки (особенно каменные формы для от-

ливки женских украшений) был популярен в древнем Полоцке. Стоит упомянуть и то, что еще в 1977 году специалист в области истории декоративно-прикладного искусства В. Василенко пришел к выводу, что Крест преподобной Евфросинии «отличается откиевских эмалей, представляя полоцкую эмальерную школу».

Еще один аргумент — то, что выполнять свои заказы полоцкая просветительница, как мы знаем на примере строительства зодчим Иоанном храма Спаса, поручала местным талантам.

Стоит добавить, что — это уже отмечалось ранее в главе «Памятник белорусской письменности» — надпись на Кресте отражала некоторые черты живого говора Полоцкой земли.

«Из всего вышесказанного, — подытоживает Г. Шыхов, — следует, что Лазарь Богша является полоцким мастером-золотарем и эмальером очень высокого уровня, и местом его постоянного проживания был Полоць».

Дорогой проб и ошибок

Сказать, что перед Миколой Кузьмичем стояла архисложная задача, — значит не сказать почти ничего. Достаточно напомнить, что секрет технологии перегородчатой эмали был утерян на восточнославянских землях еще в эпоху гениального ювелира Богши, восемь веков назад.

Но, прежде чем художник приблизился к своему главному открытию, прежде чем надолгие месяцы, как некогда средневековые алхимики, затворились в мирской суеты в четырех стенах своей мастерской и перешел к работе с материалом, было еще полтора года предварительных поисков, множество консультаций с докторами исторических наук Т. Макаровой и Л. Алексеевым и их минскими коллегами.

Выступая в июле 1994 года на заседании созданного при ОБМ «Бацькаўшчына» научно-общественного совета с отчетом о первом этапе работы, мастер был не слишком многословен: «Скрупулезно изучались памятники декоративного искусства из собраний Оружейной палаты, в частности рязанские бармы XII века. В Санкт-Петербурге, в Музее исторических ценностей, ознакомился со стеклянными и негативами снимков Креста, сделанными в 1896 году фо-

тографом Чистяковым. С них отпечатаны первые идентичные фотореликвии. Татьяной Ивановной Макаровой было специально подготовлено полное описание Креста, что дало мощнейший импульс в восстановлении его иконографии. Леонид Васильевич Алексеев воссоздал творческий облик мастера Богши и его эпохи, что позволило преодолеть огромную временную дистанцию, если угодно, подсознанием ощутить дыхание древнего ювелирного горна, познать непреходящую красоту древней эмали, осознать великое мастерство и смиренное терпение, с которыми творили древние ювелиры... Изучены монографические исследования, посвященные византийским, древнерусским и грузинским (VII–XIII вв.) эмалям. Состоялось знакомство с описанием методов и приемов реставрации короны венгерских королей (XII в.)...»

Утерянные либо поврежденные эмалевые изображения с Креста святой Евфросинии воссоздавались по классическим образцам византийского и древнего восточнославянского искусства в строгом соответствии с канонами. Так же кропотливо шла реконструкция колористической гаммы древних иконок. Для достижения максимальной точности использовался метод фотографического анализа. Иными словами, были сделаны сотни многократных фотоувеличений всех поверхностей Креста, деталей фигур святых, орнаментов и надписей.

Помощь доктора исторических наук Т. Макаровой была на этом этапе просто бесценной. Увеличенные фотографии висели над ее столом. «Каждая маленькая пластина,— вспоминает Татьяна Ивановна,— была нарисована и раскрашена; кней были подобраны аналогии, потому что сохранилось более 300 древнерусских вещей с перегородчатой эмалью, которые ярисовала в разных музеях бывшего Союза».

Обсуждались буквально все детали: какую гиматий* будет у Христа, как должна выглядеть благославляющая рука святого?.. Уточнялись нюансы. Например, то, что в древних восточнославянских эмалях художники не изображали на лицах румян и полутеней, или что каждое локальное цветовое пятно имело свою перегородку.

Только тогда мастер сделал в цвете рабочие рисунки-рекон-

---

* Гиматий — верхняя одежда в виде плаща.

струкции, которые были одобрены специалистами и после уменьшения до размеров реального Креста дали возможность приступить к непосредственной работе.

Рискуя утомить читателя технологическими тонкостями, все же попытаемся хотя бы схематически представить громадную сложность проблем, вставших в этот момент перед белорусским мастером.

С трактатом его коллеги из XII века, пресвитера Теофила, мы уже знакомились, когда шла речь о высотах искусства древних ювелиров. Для восстановления утраченной техники перегородчатой эмали необходимо было учесть и все данные о сегодняшнем производстве эмалей, которые весьма разнообразны и по составу и по характеру подготовки основы. Разница в составе эмалевой массы определяется профессиональными способностями мастера и художественной традицией той либо иной школы эмальеров. Все рецепты эмалей, при их бесконечном множестве, являются, между тем, вариантами свинцово-калиевого стекла. Стеклянная масса измельчается в специальных ступках в порошок, который и служит эмальеру сырьем.

В изготовлении перегородчатой эмали во времена Богии на восточнославянских землях использовались как так называемые глухие, так и просвечивающие (опаловые) сплавы. Одежды на изображениях делались из эмалей первого типа, а лица, руки и другие детали — из опаловых.

Древние ювелиры работали с золотом 70–80-й пробы. После соответствующих манипуляций с матрицей, на которой штамповалася основной контур рисунка, изображение переносилось на тонкую золотую пластину. На ней осторожно продавливалось углубление, в результате чего предназначенный для заполнения эмалью рисунок оказывался как бы в лотке глубиной 1–1,5 миллиметра. Затем мастер заготавливал тончайшие (в десятие и сотые доли миллиметра) золотые полоски и с помощью пинцета и клея выкладывал перегородки, создающие ячейки для эмали.

В отличие от западноевропейских, наши средневековые мастера пользовались только чистыми тонами. Ювелир должен был для каждого цвета создать отдельную, полностью изолированную ячейку из золотых перегородок. Если художник изображал чело-

веческое лицо, то, к примеру, делалась маленькая ячейка для глаза, а в середине ее — еще меньшая для зрачка. При этом само лицо могло иметь в диаметре всего три миллиметра.

Наклеив детали рисунка, мастер засыпал ячейки припой иставил золотую пластину на жаровню, чтобы закрепить перегородки. Когда золотая основа была готова, каждая ячейка заполнялась эмалевым порошком определенного цвета. После плавления эмалевой массы поверхность пластины шлифовалась до техпор, пока золотой фон, эмаль и перегородки не превращались в сплошную падкую поверхность. И все это повторялось множество раз.

Современному наследнику древних ювелиров приходилось работать буквально вслепую, наощупь, путем сотней проб и ошибок, надеясь не только на приобретенные знания, но и на интуицию, на Божью помощь.

Восстанавливая надпись на Кресте, Микола Кузьмич изготавливал более 300 чеканов. Каждый — отдельная буква. Каждый делался под микроскопом. Казалось, существенная часть работы осталась позади. Но после консультаций со специалистами выяснилось, что в XII веке Богша не мог пользоваться подобной технологией, ибо ее просто не существовало. Вновь нужно было начинать сначала.

Однако самое ответственное — 20 миниатюрных эмалевых «портретов» — еще ждало впереди.

Кузьмич овладел техникой «рисования» тончайшими перегородками, но тут возникла новая трудность: как припаять их к золотой основе? Художник знал, что, когда в XIV веке русские мастера пытались восстановить технику перегородчатой эмали при дворе митрополита Алексия, как раз упомянутая операция — соединение перегородок с лотью — стала непреодолимым препятствием.

Над этой тайной больше всего пришлось биться и Миколе. «Бывало, все вроде сделаешь, как следует, поставишь заготовку в муфельную печь, а перегородки взяли и «поплыли» — рисунок сбился, работа идет в брак».

Сколько раз все отправляли в переплавку, сколько раз охватывало отчаяние, — знает только сам Микола да еще его ученик Виталий Яковук, который не раз в минуты сомнений и разочарований не мог сдержать слез.

Художник утверждает, что были случаи, когда найти выход по-

могали искренние молитвы, после чего, ночью, он просыпался от голоса, подсказывающего элементарное решение, которое лежало, казалось бы, на виду, но бесчисленное множество раз ускользало из рук. Мастер уверен, что именно голос с неба навел его в один из самых сложных периодов поисков на мысль замедлить реакцию эмали специальной присыпкой. Для судьбы воссоздаваемого Креста это открытие было едва ли не решающим.

Каждую пластину с эмальевыми миниатюрами переделывали по несколько раз. Самым трудным психологическим эпизодом всей работы Кузьмич считает тот случай, когда он с учениками вынужден был сорвать с деревянной основы всю лицевую сторону Креста, ибо понял, что идет ложным путем. «Если б оставили, — получилась бы всего лишь топорная копия, потому что перегородки у нас выходили толстые — 0,16 миллиметра, а нужно было 0,04. В таком рисунке не было трепетности, изысканности, в нем застывал след не руки, а инструмента».

Преодолеть сомнения, выбраться из тупика художнику и его ученикам помогало внимание владыки Филарета, поддержка друзей и близких. Два первых года работу финансировал Анатолий Силивончик. С целью привлечения к проекту государственных средств Объединение белорусов мира вели переговоры с Министерством культуры и Комитетом по делам религий. Однако те годы в новейшей истории Беларуси были переломными. Менялась верховная власть, менялись министры и премьер-министры. И всякий раз правительственные кабинеты надо было обходить заново... Ситуация неопределенности наконец изменилась, когда часть расходов взяла на себя Церковь. После обращения владыки Филарета к президенту государство выделило мастеру нужное количество золота.

Неброским, но чрезвычайно ощутимым было участие представителей Комитета госбезопасности, которые выполняли так называемую оперативную и охранную функции. «Все пять лет, — говорит Микола Кузьмич, — в моей мастерской сидел охранник — берег меня и религию. Сергей Якимук, сотрудник Комитета, без преувеличения был моей тенью. Боюсь, без этой организации я ничего бы не сделал».

На воссоздание Креста действительно требовались большие материальные ценности: золото, серебро, несколько сотен речных жемчужин, драгоценные камни...

Опережая события, заметим, что в течение нескольких недель перед завершением работы в мастерской неотлучно дежурили сотрудники госбезопасности, вооруженные автоматами. На вопрос автора книги, не были ли предпринятые меры неадекватными, С. Якимук ответил, что, согласно неофициальным данным, нападения на мастерскую действительно планировались. Причем не исключено, что преступников интересовали не золото и жемчуг, а — сам Крест, чье повторное похищение могло бы стать уже не уголовной акцией, а приобрести политический характер.

4 апреля 1996 года в Бресте состоялось выездное заседание научно-консультационной группы по воссозданию Креста. Подводя итоги проходившего в мастерской М. Кузьмича обсуждения, доктор исторических наук Леонид Алексеев, не скрывая волнения, говорил: «Восстановление Полоцкого креста — явление поразительное. Ведь это — древняя византийская техника, абсолютно утраченная во всем мире. И вот сегодня здесь, в Беларуси, эта техника восстановлена! У нас родился новый Лазарь Богша!»

Микола Кузьмич убежден, что теперь многое сделал бы нес骷лько иначе и, конечно, ближе к совершенству. Когда Крест уже был почти готов, художник предложил митрополиту Филарету повторить те пластины, которые считал не вполне удачными. Однако владыка дал мудрый совет оставить реликвию без художественного «редактирования», дабы сохранить для истории не только результат, но и вещественное воплощение процесса возрождения святыни.

Паломничество в Святую Землю

Микола Кузьмич признается, что никогда не был атеистом, но его подлинное возвращение к вере произошло во время воссоздания Креста преподобной Евфросинии. Художник уверен, что, даже если бы ему были обеспечены наилучшие условия, он не смог бы справиться с этой работой без духовного согласия в душе. Чем дальше мастер соприкасался с Крестом, тем глубже ощущал неразрывную связь состояния души с тем, насколько успешно про-двигаются поиски, насколько ближе он становится к своему открытию. «Искать в себе это духовное согласие, — говорит Микола, — возможно только через молитву, через религию».

Он часто вспоминает глубокое духовное потрясение, пережитое в тот момент, когда приложился к привезенной владыкой Филаретом частице Святого животворного древа от Креста, на котором был распят Христос.

В одном из своих интервью Кузьмич вспоминал первую поездку к митрополиту. Имена святых художник тогда зазубривал, словно школьник, однажды, приехав, все перепутал. «А ведь изучить надо было не только имена, а каждую мелочь виходеждах, потому что все имеет свой смысл. Даже в оттенках цвета. Жемчуг, скажем, символизирует чистоту и непорочность, рубин — цвет жизни и крови Господней, сапфир — цвет ясного неба... До работы над Крестом я даже толком Библию не читал, листал только. А ведь для того, чтобы оно открылось, Святое Писание надо читать с желанием, верой... За эти пять лет мне открылось главное: жизнь скоротечна и надо спешить делать добро».

Хорошо знающие Миколу люди могут свидетельствовать: годы, посвященные возрождению национальной святыни, действительно стали для брестского мастера временем собственного духовного возрождения.

Чрезвычайно важную роль в этом восхождении сыграло участие художника летом 1994 года в паломничестве представителей Белорусской православной церкви в Иерусалим.

Паломники во главе с митрополитом Минским и Слуцким Филаретом везли с собой уже изготовленную основу будущей святыни. Дерево для нее было, благодаря владыке, взято в той же роще, где некогда рос кипарис, пошедший на Крест, на котором встретился со смертью Сын Божий.

Крест-основа лежал на Гробе Господнем. Вместе с Крестом путешественники из Беларуси посетили место последнего земного пристанища святой Евфросинии в Феодосиевом монастыре. После возвращения владыка Филарет говорил в интервью, что «разговор о том, сможет ли новая художественная сакральная ценность стать белорусской святыней — беспредметен. Это уже святыня... Чувствуется благословение Иерусалима, которое мы взяли у иерусалимского патриарха Диодора II, у Гроба Господня».

Микола Кузьмич называет паломничество в Святую Землю одним из главнейших событий своей жизни. «Иерусалим — это величе-

ственний памятник Богу... — вспоминает своих впечатлениях чувства художник. — Меня поразило буквально все: от византийских мозаик до чудесной резьбы по камню, мрамору и граниту, от шедевров архитектуры до горных монастырей. Мы прошли по пути Евфросинии Полоцкой, задержались у места, где она была похоронена; там монахи дали каждому из нас по крестику с мощами Феодосия Великого. Мы слушали, как вдохновенно владыка вел богослужение. Мы прошли дорогой Христа, посетили в Иерусалиме все места, связанные с Сыном Божиим. А на горе Искушения я едва не умер... Наверное, от невыносимого зноя получил солнечный удар. Два часа лежал на древней покрытой плите. Святые отцы сказали: это руки диавола... Но благословение иерусалимского патриарха Диодора помогло, и впоследствии я всегда ощущал его духовную силу. Как раз за благословением, за Божьей поддержкой мы и ехали к Гробу Господню...»

Впереди тогда было еще три года работы.

В лето 1997-е

Летом 1997 года мучительный и счастливый труд по воссозданию национальной святыни приблизился к завершению.

Читатель, хорошо знакомый с описанием реликвии XII века, должен знать также художественные и технические характеристики возрожденного Креста.

Золотые пластины с перегородчатыми эмалями и современный мастер выполнил из металла 986-й пробы и прикрепил к кипарисовой основе гвоздями из золота. На пластинах, кроме эмалевых «портретов», были подготовлены места для закладки христианских реликвий, которые находились в древнем Кресте и которые, благодаря усилиям Церкви, удалось обрести в наше время.

Оставленные в верхнем и нижнем средокрестиях ковчеги для «Крови Христовой» и «Древа Животворного» были декорированы ажурными крестиками. Еще три ковчега такой же формы для мощей святых Стефана и Пантелеймона и крови святого Димитрия имелись под их изображениями на обратной стороне святыни.

Крест был обрамлен оковкой для укладки жемчуга. Всего понадобилось около пятисот жемчужин диаметром 4–5 миллимет-

ров. Оковка собиралась из сегментов. По ее сторонам размещалась уложенная в филигравные кружки зернь. Жемчужная обнзь монтировалась на золотой нитке диаметром 0,3 миллиметра.

Лицевую сторону Креста украшали обработанные кабошоном* драгоценные камни: горный хрусталь (четыре камня), гранат-альмандин** и два сапфира.

Лоточки под изображения святых орнаменты были тисненные с последующей прочеканкой и достигали глубины двух миллиметров. Перегородки делались из листового металла и крепились припоеем. Палитру эмаевых цветов мастер выдержал в точном соответствии с аналогами эпохи Евфросинии.

Боковая надпись с именем мастера выполнена на серебре 982-й пробы при толщине металла 0,2–0,3 миллиметра. В тех местах, где Крест-оригинал был поврежден, Микола Кузьмич произвел реконструкцию по перегородчатым эмалям времен ювелира Бопши. Принимались во внимание произведения живописи и мелкой пластики из камня, которые мог видеть средневековый полоцкий мастер, и фресковые росписи Спасского храма, которые теперь восстанавливаются реставраторами во главе с Владимиром Ракицким.

В конце июля в брестском Свято-Симеоновском кафедральном соборе с участием митрополита Минского и Слуцкого, Патриаршего экзарха всея Беларуси Филарета состоялся обряд закладки в воссозданный Крест христианских реликвий. 24 августа 1997 года в том же храме прошла торжественная церемония передачи возрожденной святыни Белорусской православной церкви. На следующий день получили возможность поклониться Кресту прихожане кафедрального Свято-Духова собора в столице нашего государства.

24 сентября проходило итоговое совещание непосредственных участников работы по воссозданию образа Креста, где митрополит Филарет торжественно объявил о том, что невероятно сложное дело возрождения национальной святыни общими соборными усилиями Церкви, общественности и государства успешно завершено. Владыка на-

* Кабошон — форма линзы или полусферы, которую придают драгоценным камням в азульяже олефове.

** Гранат-альмандин — камень насыщенного красного цвета с фиолетовым оттенком.

ВОЗРОЖДЕНИЕ СВЯТЫНИ

помнил присутствующим, что передним и не просто выдающееся произведение искусства, но, в первую голову, громадная сакральная ценность, которую необходимо возвратить на ее извечное законное место — в полоцкий Спасо-Евфросиньевский монастырь.

Доктора исторических наук Леонид Алексеев и Георгий Штыхов не жалели возвышенных слов, справедливо назвав труд Миколы Кузьмича научным и творческим подвигом, достойным того, чтобы остаться в памяти будущих поколений. Их коллега Татьяна Макарова сравнила значимость воссоздания образа Креста святой Евфросинии для духовного возрождения Беларуси с тем, какую роль играет для России восстановление уничтоженного большевиками московского храма Христа Спасителя.

Итогом широкого обмена мнениями стал нижеследующий документ.

КОММЮНИКЕ заседания ученого совета, сзванного в связи с окончанием работ по воссозданию образа Креста преподобной Евфросинии, игуменьи Полоцкой

24 сентября 1997 года в здании Белорусской экзархии состоялось расширенное заседание ученого совета, созданного в связи с окончанием работ по сооружению образа Креста преподобной Евфросинии, игуменьи Полоцкой. В заседании приняли участие представители Белорусской православной церкви, Объединения белорусов мира «Бацькаўшчына», Белорусского государства, научной и творческой общественности.

Членами ученого совета было особо отмечено, что замысел воссоздания Полоцкой святыни явился следствием осознания всеобщего духовного и инравственного оскудения и гражданской разобщенности нашего общества. Ибо святыни уходят, когда мы становимся недостойными их, и возвращаются к людям, души которых стремятся к очищению в покаянии.

Участники заседания с глубокой сердечной радостью отметили, что весьма сложное в научном, техническом и человеческом плане дело воссоздания образа древнего полоцкого Креста успешно завершено.

Прошло ровно пять лет от дней празднования 1000-летия Полоцкой епархии, когда родился замысел воссоздания Креста, получивший свое развитие на Первом сходе белорусов ближнего зарубежья.

Вскоре, получив благословение от святынь Града Иерусалима, начался многосторонний процесс сооружения Креста при духовном кормлении и попечении Матери Церкви.

Воздавая благодарение Всемогущему Богу, ныне члены учрежденного совета свидетельствуют, что первоначальный замысел исполнен в полной мере, ибо Крест водружен на место, определенное преподобной Евфросинией в 1161 году.

Участники заседания выражают искреннюю надежду, что в Спасо-Евфросиньевском полоцком монастыре, который является духовным средоточием Белой Руси, каки во времена его преподобной основательницы, будет возноситься непрестанная молитва о единстве сынов и дочерей Отечества нашего, в родной земле и в рассеянии сущих.

Заседание завершилось пресс-конференцией, где митрополит Филарет и другие члены совета вновь подчеркнули, что созданный Миколай Кузьмичем Крест — не копия, не реконструкция, не мимика, а новая сакральная ценность, святыня, которая является связующим звеном между прошлым и современностью и обязывает всех нас задуматься о драматическом пути нашей страны и ее исторической перспективе. Было высказано мнение, что, если сегодня Крест и кажется кому-то «ненастоящим», то через два-три поколения он уже сможет безоговорочно восприниматься как святыня-оригинал.

Вместе с тем директор Национального научно-просветительского центра имени Францишка Скорины Адам Мальдис сконцентрировал внимание на том, что возрождение Креста никоим образом не лишает актуальности проблему дальнейших поисков и возращения законному хозяину — белорусскому народу — святыни XII века. Тем более, есть достаточно весомые доказательства, что аутентичная полоцкая реликвия находится в музейных хранилищах Российской Федерации.

Как показали выступления на пресс-конференции, существует мнение, что, поскольку древний Крест святой Евфросинии обеспечен ограблен, в случае возвращения его можно рассматривать

лишь в качестве музейной ценности. Подобные рассуждения были восприняты членами научно-общественного совета как чрезвычайно спорные, ибо Крест XII века сохраняет свою святость уже благодаря тому, что помнит руки и молитвы самой полоцкой игумены, под руководством и благословением которой он создавался.

Поздравив художника с его творческой победой, которой суждено оставаться в истории, журналисты интересовались его дальнейшими планами. Наследник Богши, награжденный за возрождение Креста церковным орденом равноапостольного великого князя Владимира, поведал, что впереди — работа над ставротекой (футляром) Креста, создание для Церкви оклада напрестольного Евангелия, которое будет своеобразным памятником всем древним белорусским Евангелиям, от современника Евфросинии — Полоцкого до знаменитого Лавришевского, что хранится в Библиотеке имени Чарторыйских в Krakowе.

На вопрос о том, как он будет чувствовать себя, когда найдется древний Крест, мастер ответил, что обрадуется по этой причине больше, чем кто-либо другой. Как каждый белорус — ибо народу будет возвращена его святыня. И как профессионал — ибо получит возможность сравнить плоды своего труда с произведением гениального предшественника. Но художник полагает, что «за восемь столетий, минувших, пока Крест не пропал в 1941 году из Могилева, его неоднократно грабили и восстанавливали, к нему прикладывали руку и добрые и злые люди, поэтому он существенно изменил свой первоначальный облик. Что с ним приключилось за последнюю половину века, и вообще неизвестно. Иными словами, представить новый Крест с помощью архивов, воспоминаний и т. д. было проще, чем исчезнувший».

Вспомнив, что Крест святой Евфросинии обладал очищающей и целительной силой, кто-то из журналистов осведомился у М. Кузьмича, можно ли ожидать подобных чудес и от его творения. «Я верю в это, — ответил художник. — Во-первых, все сакральные атрибуты в нем те же, что и у его предшественника: кипарисовое дерево не только доставлено из Иерусалима, но и освящено на Гробе Господнем. В Кресте находятся и капли крови Иисуса, и частица животворного Креста Господня, и частички мощей святых Стефана и Пантелеймона, и кровь святого Димитрия. Новый Крест также

освящен согласно всем церковным канонам». А во-вторых, продолжал мастер, все идет от веры. Неслучайно ведь некоторые иконы называют «намоленными». Это значит, что многие годы тысячи людей приносили этим иконам свою веру и самые заветные надежды. А потому однажды такая икона начинает возвращать сконцентрированную в ней энергию, исцеляя болящих, утоляя жаждущих. То же самое должно произойти и с возрожденной святыней. «Да, мой крест еще «молоденький». Но все у него будет. По крайней мере, первый вклад его целительную сущность я уже сделал, вложив в него и свои руки, и силу, и душу, и веру».

К словам художника стоит добавить, что уже были случаи, когда на Крест, как утверждает владыка Филарет, снисходила благодать Господня. К примеру, во время церемонии передачи святыни в лоно Церкви всех присутствующих в храме словно пронзalo током, и это длилось два дня. Чудодейственную силу Крестобнаруживали тогда, когда, как уже упоминалось, во время работы мастер переживал вдруг моменты внезапного озарения, открывая еще одну тайну древнего искусства.

Возвращение в Полоцк

Торжественное возвращение святыни на родину преподобной Евфросинии, в столицу нашей первой державы, приурочили к большому христианскому празднику Воздвижения Креста Господня, отмечаемое православными 27 сентября по новому стилю.

Накануне было напечатано посвященное этому событию слово митрополита Филарета, эпиграфом к которому служили слова святого апостола Павла из Первого послания к Коринфянам: «Слово о кресте для погибающих — юродство есть, а для нас, спасаемых — сила Божия».

Владыка вел речь о том, какое значение придает Церковь кресту, приводя при этом высказывание одного из ее отцов Иоанна Златоуста: «Крест — упование христиан. Крест — основание церкви. Крест — безопасность Вселенной. Крест — победа над диаволом». Но на протяжении трех столетий после распятия и воскресения Христа, верующие точно не знали, где находится эта святыня. Можно

ВОЗРОЖДЕНИЕ СВЯТЫНИ

было лишь предполагать, что три креста — Иисуса и двух казненных вместе с ним разбойников, зарыты вблизи места их смерти. Чтобы осквернить и стереть в людской памяти места, связанные с земной жизнью и кончиной Спасителя, на Голгофе была сделана насыпь, где возвели храм в честь Венеры.

Крест пролежал земле до времен императора Константина Великого, правившего с 306 по 337 год и вошедшего в историю как первый римский властелин, который прекратил преследования сторонников новой веры и стал первым христианским монархом.

На войне с одним из заклятых врагов христианства Константина было знамение: на небе появился громадный сияющий крест с надписью «Сим победиша!» Во сне императора посетил сам Господь, повелевший начертать крест на знаменах, оружии, шлемах и щитах воинов, обещая за это победу над любым неприятелем.

Тогда Константин решил отыскать святыню — Крест, на котором распяли Спасителя. Исполняя волю сына, его мать, ревностная христианка царица Елена, отправилась в Иерусалим. После долгих трудных поисков, в которых рядом с нею находился иерусалимский патриарх Макарий, поблизости от храма Венеры обнаружили все три зарытых креста. Отдельно лежала табличка: «Иисус Назарянин, Царь Иудейский», которую прибили по приказу Понтия Пилата к Кресту, где был распят Христос.

Для того, чтобы определить, какой из найденных крестов — святой, каждый из них возлагали на смертельно больную женщину. Во время испытания третьего креста патриарх, царица Елена и скопление народа стали свидетелями чуда: больная мгновенно исцелилась. (Некоторые церковные историки сообщают, что Крест Господень воскресил покойника, проносимого мимо места раскопок.) Известие о чудесной силе Креста молнией облетело Иерусалим и собрало множество людей, хотевших поклониться святыни. Окруженный толпой из нескольких тысяч человек патриарх Макарий начал поднимать — «воздвигать» Крест, дабы показать его народу.

Так возник праздник Воздвижения, когда из алтаря крестный ход вынес воздвигальный крест, который во время богослужения многократно поднимается архиереем, стоящим на кафедре в центре храма.

Митрополит напоминал, что именно таким — воздвигальным — был и Крест преподобной полоцкой игумении Евфросинии, со-

временниками возрождения которого всем нам посчастливилось быть. Праздничное слово владыки подводило каждого канониям между поисками и чудодейственными свойствами Креста Спасителя и нашей утерянной и возрожденной святыни.

26 сентября в Полоцке, куда прибыла воссозданная реликвия, проходило посвященное этому событию заседание Синода десяти епископов Белорусской православной церкви. В тот же день в полоцком Богоявленском соборе с участием митрополита Минского и Слуцкого, Патриаршего экзарха всея Беларуси Филарета состоялись чин крестовоздвижения и всеночное бдение.

Назавтра торжества, в которых наряду с представителями Церкви участвовала делегация Объединения белорусов мира «Бацькаўшчына», продолжались в Спасо-Евфросиньевском монастыре, куда в этот светлый день со всего города стекались реки людей. Литургия и поклонение Кресту происходили в также восстановленном в наши дни Свято-Крестовоздвиженском соборе.

На праздновании возвращения образа Креста святой Евфросинии присутствовал премьер-министр Республики Беларусь Сергей Линг.

6 декабря крестный ход перенес реликвию на извечное место древней святыни — в построенный по заказу полоцкой просветительницы Спасский храм. Вместе с полочанами участниками этого события был мастер Никола Кузьмич и группа паломников из Объединения белорусов мира и Международного благотворительного фонда Животворного Креста святой Евфросинии Полоцкой. Среди паломников находился Анатолий Силивончик со своей матерью Анастасией Нестеровной.

Накануне Рада «Бацькаўшчыны» подвела итоги осуществления проекта и приняла в связи с воссозданием образа Креста специальное заявление (его текст помещен в приложении к книге). На собрании по этому случаю владыка Филарет вручил Анатолию Силивончику орден святого равноапостольного великого князя Владимира, а Ганне Сурманч и Борису Стуку — грамоты Патриаршего экзарха всея Беларуси. Своими почетными грамотами и ценными подарками Рада Объединения белорусов мира отметила тех, кто внес в возрождение Креста наиболее значительный вклад. Собрание поддержало предложение о выдвижении художника Николы Кузьмича на соискание Государственной премии Республики Беларусь.

ВОЗРОЖДЕНИЕ СВЯТЫНИ

Труд мастера получил высокую оценку государства. Микола Кузьмич был назван в Беларуси «Человеком года» и удостоен премии «За духовное возрождение», которой награждаются люди искусства, чьи деятельность и талант способствуют духовному возрождению общества. Вручение премии состоялось в Национальном академическом Большом театре оперы и балета 7 января 1998 года, в светлый день Рождества Христова.

Итак, 6 декабря лета от рождения Христова 1997-го воссозданная святыня вернулась на место, определенное ей некогда преподобной игуменьей. Хочется верить, что на этот раз Крест останется здесь навсегда — чтобы укреплять нашу веру, чтобы воскрешать память народа, помогая ему строить свой независимый, демократический и духовно богатый Белорусский Дом.

Пускай же будет так, ибо сказано: святыни уходят, когда мы становимся недостойными их, и возвращаются, когда души стремятся к очищению, свету и свободе...

Фонд Животворного Креста

Пять лет, минувших от идеи возрождения национальной реликвии до светлых праздничных дней завершения великого соборного (в том смысле, который вкладывает в это слово церковь) труда, объединили и сблизили многих людей, имевших непосредственное отношение к воссозданию Креста полоцкой просветительницы. В их среде в 1997 году и вызрела мысль использовать свой совместный интеллектуальный, научный, творческий капитал и в дальнейшем. Это стремление работать ради будущего Беларуси и ее культуры воплотилось в создании Международного благотворительного фонда Животворного Креста святой Евфросинии Полоцкой, чьими инициаторами, как уже упоминалось, стали Анатолий Силивончик и Борис Стук.

Собрание учредителей Фонда состоялось 25 сентября 1997 года, как раз накануне торжественного возвращения святыни в Полоцк. В тот вечер в Национальном научно-просветительском центре имени Францишка Скорины собирались известные в Беларуси люди, о каждом из которых можно без преувеличения сказать, что это — личность. Среди основателей Фонда — президент Объединения белорусов мира «Бацькаўшчына» академик Национальной академии наук Ра-

ЖИВОТВОРНЫЙ СИМВОЛ ОТЧИЗНЫ

дим Горецкий, настоятель столичного Свято-Петропавловского собора отец Георгий Латушка, народный художник Беларусь Арлен Кашкуревич, доктор философии Владимир Конон, редактор независимого журнала «Беларускі гістарычны агляд» Геннадий Саганович, автор художественных и документальных фильмов исторической тематики, в том числе и ленты, посвященной воссозданию Креста, кинорежиссер Виктор Шевелевич...

Утвержденный на собрании устав Фонда назвал его основными целями и задачами:

Содействие возрождению духовности и национальной культуры народа, как фундамента становления современной белорусской государственности, на основе духовных ценностей, заложенных патрональностью белорусов — святой Евфросинией Полоцкой в идеи Креста, как духовного и объединительного символа нации;

Духовное единение белорусов независимо от конфессии и места проживания;

Создание в Полоцке общественного духовного национального центра, символами которого являются воссозданный Крест и Полоцкий Спасо-Евфросиньевский монастырь, где реликвия возложена;

Содействие реставрации Спасского храма, в котором находился аутентичный Крест преподобной Евфросинии, а также других памятников истории и культуры;

Исследование подвижнической жизни святой Евфросинии, истории создания и судьбы ее Креста;

Содействие возрождению искусства перегородчатой эмали и других технологий древнебелорусского искусства;

Помощь государству и общественным организациям в поисках аутентичного Креста святой Евфросинии;

Поддержка деятелей литературы, искусства и науки в создании художественных произведений и проведении научных исследований, посвященных жизни и деятельности Евфросинии Полоцкой, а также ее современников и последователей в деле просвещения белорусского народа...

Устав предусматривает, среди прочего, издательскую деятельность, направление на учебу или стажировку студентов, ученых и деятелей культуры, присуждение стипендий и премий за высокие достижения в развитии белорусской культуры.

Президентом Международного благотворительного фонда Животворного Креста святой Евфросинии Полоцкой собрание учредителей избрало Анатолия Силивончика. Вместе с ним в состав Рады Фон-

ВОЗРОЖДЕНИЕ СВЯТЫНИ

да вошли Микола Кузьмич, председатель Объединения белорусов мира «Бацькаўшчына» Ганна Сурмач, председатель Международного женского фонда святой Евфросинии Полоцкой писательница Валентина Ковтун, доктор филологии, директор Национального научно-просветительского центра имени Ф. Скорины Адам Мальдис, директор Белорусского института науки и искусства в Нью-Йорке доктор Витовт Кипель и другие. Быть своим руководителем Рада доверила человеку, который был связан с воссозданием национальной реликвии с самого начала и зарекомендовал себя как талантливый предприниматель и организатор — председателю правления совместного предприятия «Международный центр предпринимателей белорусской диаспоры» Борису Стуку. Заместителями председателя Рады по научным вопросам и организационно-творческим связям были избраны доктор исторических наук, заведующий отделом Института истории АН Беларуси Георгий Штыхов и писатель Владимир Орлов, секретарем Рады — Елена Маковская.

29 октября 1997 года Международный благотворительный фонд Животворного Креста святой Евфросинии Полоцкой был зарегистрирован в министерстве юстиции Беларуси.

Как мы уже знаем, члены нового общественного объединения активно участвовали в торжественном возвращении образа Креста в Спасо-Евфросиньевский монастырь и переносе святыни в древний храм Спаса. Во время этих событий Анатолий Силивончик передал от имени Фонда значительные средства на создание ставротеки для новой реликвии и восстановление древней обители, несущей современникам свет Христова слова.